

Н а т а л ь я М о с ь п а н
Wyższa Szkoła Gospodarki w Bydgoszczy
Bydgoszcz, Польша

Дискурс в переводческом ракурсе

Современная культурология называет текстом как языковые, так и неречевые сообщения, как, например, музыка, кино, живопись и т.д. Будучи центральным элементом литературного процесса, текст, естественно, является предметом многих определений, которые отражают суть подхода исследователей как к тексту, так и к литературе вообще. В интересах данной статьи мы представим термины, к которым мы будем апеллировать, используемые в рамках семиотического подхода в лингвистике и переводоведении. Так, для структурализма характерно такое понимание текста, которое было предоставлено Ю.М. Лотманом. По мнению ученого, текст – это система, которая владеет тремя параметрами:

- 1) высказанность, фиксированность в определенных знаках;
- 2) обособленность, то есть противопоставление всему, не входит в его состав;
- 3) структурность, то есть наличие системы отношений между элементами, которые составляют определенный текст и которые определяют его особенности [2: 67-69].

Собственно, «текст» и «литературно-художественный текст» – основные объекты исследования в рамках методологий, которые развиваются в русле формального подхода. С нашей точки зрения представляется интересным привести определение текста, которое было дано Р. Бартом – самым ярким и самым влиятельным в сфере критики представителем французского структурализма: «В том современном, новейшем смысле слова, которое мы стремимся ему предоставить, Текст принципиально отличается от литературного произведения:

- это не эстетический продукт, а знаковая деятельность;
- это не структура, а структурообразующий процесс;

- это не пассивный объект, а работа и игра;
- это не совокупность замкнутых в себе знаков, наделенных смыслом, который можно восстановить, а пространство, в котором прочерчены линии смысловых сдвигов ...» [3: 82].

С семиотической точки зрения один и тот же текст допускает неоднозначное понимание, как множество омонимических текстов в целом. Такое явление имеет место, потому что текст как знак обладает двойной «референциальностью»: с одной стороны, он обращен к авторской картине мира, авторскому функциональному тезаурусу, а с другой – текст соотносится с читательским обозначаемым. Можно утверждать, что по отношению к механизмам смыслообразования и семантизации значения читатель и писатель имеют вполне равные права.

Эта идея давно получила право на свое существование. Мнение И. Анненского: «... именно чтение поэта есть уже творчество», – в наше время имеет и научное подтверждение. По мнению М.М. Бахтина, читатель «продолжает творчество» [4: 298] писателя, раскрывая для себя значение литературного художественного текста. В своем логическом завершении эта концепция вообще отводит читателю роль создателя художественного произведения на основе текста: только читатель делает «вещь в себе» (текст) «вещью для себя» (сочинение) [1: 25]. По Ц. Тодорову, эстетическая ценность произведения оказывается лишь «в тот момент, когда произведение вступает в контакт с читателем» [5: 107]. Следует уточнить, что в контакт с читателем вступает не произведение, а текст.

Читатель, осмысливая текстуальные значения через соотношение их с постоянно видоизменяющейся внетекстовой реальностью и ранее возникшими значениями обозначает их в процессе чтения, создавая собственный вариант текста-произведения, который может быть зафиксирован в читательском сознании, памяти [1: 26].

Процедуры семантизации и осмысления протекают одновременно, и «расчленить» их можно только в оперативных целях, целях наглядности.

Произведение, как сложно организованное значение, формируется в процессе создания текста. Текст как совокупность и система языковых значений создается в процессе семантизации, «вербализации» значений.

При изучении связной речи, наряду с понятием «текст», широко используется понятие «дискурс». Соотношение данных понятий является предметом оживленной научной дискуссии. Анализ теоретических источников позволяет выделить следующие подходы к решению данной проблемы.

В ряде работ (например, Salkie, R. [29]) данные понятия полностью отождествляются, а термины «дискурс» и «текст», соответственно, используются как взаимозаменяемые.

Однако уже давно наметилась тенденция к дифференциации данных понятий. Так, некоторыми учеными «дискурс понимается как вербализованная речемыслительная деятельность, предстающая как совокупность процесса и результата и обладающая как собственно лингвистическим, так и экстралингвистическим планом» [30].

Е.С. Кубрякова [31: 7-25.] также отмечает, что «текст – это, по сути дела, новое название речемыслительной деятельности. Необходимость введения нового обозначения обусловлена тем, что анализ дискурса – это новый подход к изучению явлений порождения и восприятия речи, которые ранее рассматривались с точки зрения психофизиологических процессов, происходящих в мозгу человека, т.е. в отвлечении от конкретных социальных условий общения. Дискурс, напротив, – это процесс языковой коммуникации, осуществляемой в определенном социальном контексте, в значительной степени определяющем его особенности, как с точки зрения формы, так и с точки зрения содержания».

Родоначальником современной теории дискурса по праву считается голландский ученый Т. ван Дейк, который на основе работ Лакоффа, Филмора, Серля [8; 9] в области лингвистической прагматики установил существование не только связанной последовательности предложений как семантической макроструктуры текста, но и связанной последовательности речевых актов – как прагматической макроструктуры текста [10]. По сути Т. ван Дейк наметил интегральную связь между языком и речью (текстом как ее материальным проявлением), и коммуникативной ситуацией и получателем, адресатом.

Несомненно, в этих суждениях заложен коммуникативный аспект понимания дискурса. Это даёт основания рассматривать дискурс как коммуникативную ситуацию, интегрирующую текст с другими ее составляющими [11: 6-7].

Обязательное наличие в дискурсе актантов коммуникации – адресанта и адресата – актуализирует тексто-дискурсивную категорию адресованности, которая, в свою очередь, детерминирует лингвистические механизмы дискурса. Адресованность рассматривается как текстовая категория, отражающая в семантике и структуре текста его опредмеченную направленность на адресата коммуникации, которая задает тексту определенную интерпретационную модель как семантическая база текстовой рецепции [12]. Подобная направленность на адресата характерна для дискурса в целом [13].

Г.Г. Кук в книге «Дискурс» отмечает наличие трех контекстов дискурса: текстуального, социального, психологического [14]. Текстуальность дискурса свидетельствует о значимости текста для адресата: чем большее значение для адресата приобретает текст, тем интенсивнее он будет обрабатываться, и тем лучше он сохранится в памяти адресата. Подобный когнитивный анализ единиц дискурса позволяет установить, для какой аудитории («своей» или «чужой») был написан текст, какую цель преследовал автор и какого эффекта он достиг [15].

Рассмотрение понятия дискурса в аспекте его семантики и структуры позволяет утверждать, что в современной лингвистике и теории коммуникации под дискурсом понимаются «единицы и формы речи» [16: 144]; «связный текст в совокупности с экстралингвистическими... факторами» [17: 136-137]; «связный текст; устноразговорная форма текста; диалог; группа высказываний, связанных между собой по содержанию; речевое соединение как данность – письменное или устное» [18: 33]; «совокупность высказываний, относящихся к определенной проблематике и рассматриваемых во взаимосвязи с этой проблематикой» [19: 201]; «связный текст в контексте многих конституирующих и фоновых факторов» [20]; «коммуникативное событие, ситуация...» [21: 42]; «вербализованная и используемая для коммуникации (в широком смысле) совокупность соответствующих языковых знаний и стратегий» [22: 34]; дискурс как «текст в ситуации» [23].

Исследования дискурса, начатые лингвистикой и развивающиеся в пространстве всего комплекса наук гуманитарного цикла, сегодня определяют его право на статус самостоятельной интегрированной языковедческой дисциплины [24]. О. Трищук [25] представил детальную ретроспективу более пятидесяти определений дефиниции «дискурс». Важно, что в монографии проанализирован функционально-лингвистический подход, описана динамика дискурса как процесса конструирования текста говорящим и интерпретации его слушающим – творцами дискурса, учитывается и контекст дискурса.

Дискурс – речь в аспекте события, а ситуация в дискурсе – презентация знаний, зависящая от личностного опыта коммуникантов. Дискурс – это пространство, в котором существуют различные специальные дискурсы, а новые возникают на пересечении других в рамках конкретного профессионального пространства.

В рамках семиотического подхода в лингвистике дискурс – это подвижное взаимодействие и игра осмысливаемых и семантизированных значений. То есть дискурс как текстопостроение – это знаковая деятельность, в которой одновременно и взаимосвязанно протекают процессы семантизации (обозначения) и осмысливания. Единство этих процессов опосредуется в знаковой природе искусства как в текстуальной практике [1: 24-25].

Таким образом, не только текст есть функция произведения, но и произведение становится функцией текста. Их взаимное функционирование в рамках дискурса обеспечивается внетекстовыми структурами и опосредованием авторской интенции, которая в процессе дискурсивной практики может подвергаться изменениям [1: 22-25].

Литература состоит из текстов, литературный процесс формирует дискурс. Узловым моментом литературного процесса является встреча на поле текста – как правило, единой постоянной величины – двух произведений (авторского и читательского) и двух внетекстовых структур (авторских и читательских).

Литературный процесс – функция очерченной пятичленной конструкции, в ее рамках проходят все модуляции смысла, разворачивается вся динамика литературного процесса.

Минимальный отрезок литературного процесса может быть представлен в виде схемы:

Дискурс А как процедура создания текста-произведения А на основе авторских внетекстовых структур А.

Дискурс В в качестве чтения и осмысления текста А в его взаимодействии с внетекстовыми структурами В реципиента, формирования читательского текста-произведения В.

Поскольку в литературном процессе узловые эпизоды связаны по меньшей мере с двумя текстами, то в этом случае описанная выше пятичленная конструкция оснащается дополнительными элементами – вместе с классической парой «читатель-писатель (продюцент и реципиент текста) в «работу и игру» дискурсов включается еще как минимум одна составляющая – те люди, которые вносят свой вклад во взаимодействие различных дискурсов в рамках литературного процесса: переводчики, критики, издатели и т.д. В упрощенном виде, схематично, работу этой конструкции можно представить следующим образом:

Дискурс А как процедура создания текста-произведения А на основе авторских внетекстовых структур А.

Дискурс В в качестве чтения и осмысления текста А в его взаимодействии с внетекстовыми структурами В реципиента, формирования читательского текста-произведения В.

Дискурс С как создание текста С, что происходит в процессе взаимодействия внетекстовых структур В реципиента с текстом-произведением А.

Эта схема описывает гипотетическую ситуацию, когда с текстом А работает переводчик, в задачи которого входит максимально точная передача духа и буквы иноязычного текста средствами родного языка. Даже в этом случае текст А и текст С существенно отличается друг от друга – хотя бы из-за несоответствия языковой составляющей внетекстовых рядов [1: 27-28].

Перевод востребован в пространстве разных профессиональных дискурсов. Поскольку дефиниция «пространство» среди своих философских характеристик имеет и такую, как концептуальный элемент, с помощью которого конструируются универсальные теоретические модели, предназначенные для репрезентации лингвистических и культурологических феноменов; категория, характеризующая процесс общих и изменяемых способов деятельности людей [27], то в границах концептуальных моделей возможно многомерное пространство [28], то есть, перевод – универсальное средство создания профессиональ-

ного дискурса в многомерном пространстве наук на основе иноязычной компетентности.

В содержание дискурса включаются все присутствующие в сознании продуцента и реципиента текста компоненты (факторы), способные влиять на порождение и восприятие речи: другие тексты, политические взгляды автора, политическая ситуация и др. [26: 41]. Переводчику приходится осваивать особенности дискурса на всех рабочих языках.

В рамках статьи сложно детализировать все аспекты проблемы феномена перевода в пространстве профессионального дискурса, поэтому приводим «цепочку», каждое звено которой может стать предметом специальных научных исследований в ракурсе профессионального контекста, а именно: *профессиональная лексика – профессиональные тексты – профессиональное общение – профессиональный дискурс – особенности перевода иноязычного профессионального контекста.*

Переводчик выступает не в роли «вербального перекодировщика», а в роли посредника между культурами. Его задача состоит в том, чтобы сделать смысл исходного текста доступным для носителей другого языка и другой культуры. Для решения этой задачи переводчику на первом этапе необходимо адекватно интерпретировать смысл, заложенный в тексте оригинала, а на следующем этапе осуществить перевыражение извлеченного смысла средствами переводящего языка.

Культурная асимметрия, таким образом, обуславливает не только принципиальное расхождение в парадигме текстов, но также и определяет систему доминирующих функций дискурсов, сохранение которых при переводческой трансляции способствует адекватному восприятию того или иного типа дискурса, т.е. адекватную его идентификацию и интерпретацию.

Подытоживая все выше сказанное, приходим к определенным выводам. Автор, создавая текст-произведение, одновременно формирует и уточняет свое понимание мира, свое «слово» о мире. Авторские внетекстовые структуры опосредуют внутреннюю конфигурацию слова как знака, устанавливают авторскую систему значений языковой структуры, которая возникает в процессе «затвердевания» языковой практики, «текстуализации» дискурса [1: 24-25]. Читатель входит в контакт с текстом-произведением, его функциональный тезаурус и внеязыковые структуры влияют на семантизацию текста реципиентом во время чтения. А если рассматривать иноязычный текст, то первым читателем может быть переводчик с собственной картиной мира, осмысливающий текст по-своему. Таким образом, тексты, произведения, профессиональные дискурсы, внеязыковые ряды вступают в многогранные и многоступенчатые взаимодействия, которые сложно проследить и описать вследствие их многочисленности и разнообразия. Однако общая логика формирования текста-произведения в рамках понимания литературного процесса как системы дискурсов, «работы

и игры» для обозначения-осмысления текста при его переводе на другой язык нам представляется именно такой, как мы попытались описать.

Библиография

1. Арутюнова Н.Д. *Дискурс*. Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.Н. Ярцевой. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 136-137.
2. Бахтин М.М. *Эстетика словесного творчества*. М.: 1975. С. 298.
3. Барт Р. *Избранные произведения. Семиотика: Поэтика. Составление, общая редакция и вступительная статья Косикова Г.К.* М.: Прогресс, 1989. С. 228.
4. Барт Р. *Семиология как приключение*. Arbor Mundi. М., 1993. С. 3.
5. Большой энциклопедический словарь: философия, социология, религия, эзотеризм, политэкономия. Главн. науч. ред. и сост. С.Ю. Солодовников. Мн: МФЦП, 2002. С. 1006.
6. Булатова А.П. *Концептуализация знания в искусствovedческом дискурсе*. Вестн. Моск. ун-та. Сер.9: Филология. 1999. №4. С. 34-49.
7. Cook G. *Discourse and Literature*. Oxford: Oxford University Press, 1994. P. 324.
8. Чудинов А. П. *Политическая лингвистика*. М., 2007.
9. Демьянков В.З. *Политический дискурс как предмет политологической филологии*. Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. №3. М.: Изд-во МГУ, 2002. С. 32-43.
10. Дискурс как когнитивно-коммуникативный феномен. Под общ. ред. Шевченко И.С.: Монография / Перевод с укр. Харьков: Константа, 2005. С. 356.
11. Философский энциклопедический словарь. К.: Абрис, 2002. С. 745.
12. Гаспаров Б. *Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования*. М.: Новое литературное обозрение, 1996. С. 352.
13. Караулов Ю.Н., Петров В.В. *От грамматики текста к когнитивной теории дискурса*. Т.А. ван Дейк. Язык. Познание. Коммуникация: Пер. с англ.: Сб. работ / Сост. В.В. Петров / Под ред. В.И. Герасимовича / Вступ. статья Ю.Н. Караулова и В.В. Петрова. М.: Прогресс, 1989. С. 5-11.
14. Красных В.В. *Основы психоллингвистики и теории коммуникации: Курс лекций* / В.В. Красных. М.: ИТДГК «Гнозис», 2001. С. 270, 203.
15. Кубрякова Е.С. *О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике* / Е.С. Кубрякова. Дискурс, речь, речевая деятельность. М., 2000. С. 7-25.
16. Lakoff G., Hedges A. *A Study of Meaning, Criteria, and the Logic of Fuzzy Concepts*. Journal of Philosophical Logic, 1973, No. 2. P.458-508.
17. Літературозначий словник-довідник. Сост. Р.Т. Гром'як, Ю.І. Ковалів та інш. К.: ВЦ «Академія», 1997. С. 752.
18. Лотман Ю.М. *Структура художественного текста*. Л., 1970. С. 67-69.
19. Миловидов В.А. *От семиотики текста к семиотике дискурса: Пособие по спецкурсу*. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2000. С. 10-28.
20. Николаева Т. М. *Краткий словарь терминов лингвистики текста*. Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1978. Вып.№8. С. 29-47.

21. Nunan D. *Introducing Discourse Analysis*. London: Penguin, 1993. P. 175.
22. Протасова Е.Ю. Функциональная прагматика: вариант психолингвистики или общая теория языкознания?. Вопросы языкознания, 1999. №1. С. 142-155.
23. Salkie, R. *Text and Discourse Analysis*. London, NY: Routledge, 1995. P. 115.
24. Searle J.R. *Speech Acts*. London: Cambridge University Press, 1970. P. 204.
25. Селиванова Е.А. Основы лингвистической теории текста и коммуникации: Монографическое учебное пособие. К.: Изд-во укр. филолого-социолог. центра, 2002. С. 336.
26. Серажим К. Дискурс як соціолінгвальне явище: методологія, архітектоніка, варіативність. (На матеріалі сучасної газетної публіцистики). Монографія / За ред. В. Різуна. К.: Київ. нац. ун-т ім. Тараса Шевченка, 2002. С. 392.
27. Тодоров Ц. Поэтика. Структурализм: «за» и «против». М., 1975. С. 107.
28. Тріщук О. Науково-інформаційний дискурс як соціокомунікативне явище: монографія. К.: НТУУ «КПІ», 2009. С. 392.
29. Ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация: Пер. с англ. / Под ред. В.И. Герасимова. М.: Прогресс, 1989. С. 312.
30. Воробьева О.П. Текстовые категории и фактор адресата. К.: Вища школа, 1993. С. 199.
31. Зоривчак Р.П. Лингвостилистические характеристики художественного текста и перевод (на материале перевода украинской прозы на английский язык). Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. Львов, 1987. С. 30.

Discourse in a Translational Perspective

Abstract: The article discusses using several semiotic terms with their reference to linguistics and translation studies. These key terms include 'discourse' and 'text'. The article highlights interconnection of three types of discourses, namely, of the author, of the translator and, as a result of this interaction, creation of the third one which is made based on the first two. The article also suggests that cultural background and 'the picture of the world' contributes to making up the described discourses. The present paper is aimed at expanding the theoretical base of the students-translators, making them familiar with semiotic researches in the field of discourse and text, and, what is especially important, the possibilities of applying this knowledge in the practice of translation and interpretation.

Keywords: discourse, text, translation, cultural asymmetry.